

О некоторых московских материалах деловой письменности XVIII в.

Выдающаяся роль московского говора в становлении произносительных норм современного русского литературного языка, его грамматического строя — факт общеизвестный. Особая роль московского говора связана с той исторической миссией, которая выпала на долю Москвы как политического, экономического и культурного центра России. Язык московских приказов развивался на основе разговорного языка Москвы и уже с XVI в., по словам В. В. Виноградова, «становится единым общегосударственным языком Московского царства»¹. В свете сказанного понятно, почему деловая письменность является особенно важным источником для изучения народно-разговорной речи в ее историческом прошлом.

Нельзя не заметить, что работы, в которых в той или иной степени характеризуется московский говор, строятся преимущественно на источниках, приуроченных к раннему периоду формирования русского национального языка, а также к Петровскому времени. В настоящее время наука, замечает Ф. П. Филин, не располагает данными о том, «что собою представляет московский говор в XVIII—XIX вв.»².

¹ В. В. Виноградов. Русский язык. «БСЭ», изд. 1, т. 49, стр. 757.

² См.: Ф. П. Филин. К вопросу о так называемой диалектной основе русского национального языка. «Вопросы истории русского языка в свете некоторых данных южновеликорусских памятников». М., 1962, стр. 29.

Мы имеем возможность указать некоторые источники делового содержания XVIII в., в которых московский говор получил известное отражение. На них обратил наше внимание С. И. Котков. Речь идет о рукописных материалах, отложившихся в результате деятельности местных органов власти, учреждений, существовавших в Москве во второй половине XVIII в. Хранятся эти материалы в Центральном государственном архиве г. Москвы (бывший Государственный исторический архив Московской области). Собрание документов в данном архиве — одно из крупнейших среди отечественных³.

О том, что в лингвистическом отношении эти богатейшие материалы кем-либо исследовались, нет никаких данных. Тексты, относящиеся к XVIII в., представлены более чем в двадцати крупных фондах. Фонд Московского городского магистрата, например, содержит документы с 1724 г. и насчитывает 79696 единиц хранения; фонд Московской управы благочиния (1782—1881) — 37 578 единиц хранения; количество документов в фондах частных приставов Москвы составляет 7197 единиц. Назовем еще фонд Московской духовной консистории (93 241 единица), а также собрания московских монастырей (фонды 420, 421). На все архивные материалы имеются описи.

Обратимся к фонду Московского городского магистрата (ф. 32). Материалы фонда охватывают период с 1725 по 1866 г. и весьма разнообразны по содержанию. Среди них указы магистрату, журналы заседаний, ревизские сказки, книги записей купчих, книги кредитных писем, вексельные, доимочные, приходо-расходные книги, многочисленные тома явочных прошений и др.

В ведении магистрата находилось фактически все управление городом⁴. Сохранилось большое количество дел, содержащих судебные разбирательства по прошением, челобитьям горожан. В них находим значительное количество текстов, принадлежащих по авторству или написанию, а зачастую по тому и другому, жителям Москвы. Наряду с исходящими от властей указами и промемориями в делах имеются многочисленные прошения, доношения, челобитья, объявления, а также разнообразные сопут-

³ См.: «Государственный исторический архив Московской области. Путеводитель». М., 1961.

⁴ См.: Н. П. Ерошкин. Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. М., 1960, стр. 118.

ствующие судебному разбирательству документы: сказки, сообщения, поруки, увещевания, обыски, — в которых содержится немало данных, характеризующих живую речь москвичей. Большой интерес представляют имеющиеся в тяжёлых делах описи имений и различные счета. Заслуживают быть отмеченными также многочисленные приложения рук, которые есть в каждом деле и в подавляющем большинстве принадлежат не писцам-профессионалам, а просто тем, кто «умел грамоте и писать». Среди пишущих встречаем купцов, ремесленников, мещан, ямщиков, крестьян, служителей в частных домах, солдат и др., в том числе немало женщин. В кругу писцов-профессионалов замечаем канцеляристов, подканцеляристов, копистов, регистраторов и др. К их услугам прибегали и грамотные москвичи, чтобы соблюсти принятую форму документа.

Обратимся к материалам следственных дел, извлечённых из фонда Московского магистрата, управы благочиния и канцелярии московского градоначальника, относящихся к последним трем десятилетиям XVIII в. Они предоставляют в распоряжение исследователя обширные данные для характеристики и языка деловой письменности и живой московской речи.

В большинстве случаев известно, кем писаны данные тексты и кто их авторы. Указания на место жительства и занятия просителей, свидетелей, поручителей предусматривались порядком оформления бумаг. В прошениях, особенно явочных, указания на того, кто писал, постоянны. То же наблюдаем и в описях (известно, кто чинил опись). Делопроизводственные записи в учреждениях велись канцелярскими служащими, писарями съезжих дворов, которые были жителями Москвы, и многие из них подолгу служили в столичных учреждениях (между прочим, это явствует из рассматриваемых дел).

По содержанию указанные материалы довольно разнообразны, в них получали освещение различные стороны московской жизни.

Полковница Авдотья Сергеева дочь Норова, например, просила о розыске дворового человека Потапа Иванова, бежавшего «без всякаго сносу», «на шѣе железная з замкомъ рагатина» (1797, ф. 32, оп. 11, № 39, л. 48)⁵.

⁵ В ссылках на источники указываем: год написания документа, фонд, опись, номер единицы хранения, лист.

Ямщики Степан Ширяев и Дей Фокин в своем объявлении с просьбой разрешить им постройку «деревянного строения двухъ корпусовъ» давали подписку в том, что «сверхъ онаго тако ж и излишняго а особлива в два жила деревяннаго строено не будетъ» (1783, ф. 105, оп. 9, № 233, л. 2—3).

Московский купец Федор Никифоров доносил магистрату: А торгъ произвожу в 1 и части в старомъ | свешномъ ряду в наемной полатке ис которой | сего мая съ 7 го на 8 е число неизвестно | какими воровскими людьми по подобраніи | къ замку ключа покрадено парчи по голубой | земле деветнатцать аршинъ каждой | аршинъ по четыре рубли парчи с крылыш|ками а какой цветъ не упомяно дватцать | два аршина каждой по пяти рублей | парчи по жеркой земле с насыпью золотой | осмнатцать аршинъ каждой по пяти рублей | штофу зеленого сорок три аршина каждой | по два рубли по сороку копеекъ; итого на | пять сотъ пятьдесятъ рублей сорокъ | копеекъ; а сверхъ сего штофу малиноваго разныхъ цветовъ гарнитуру и щедриу | сколко в нихъ мерою и на какую сумму | припомнить не могу (1796, ф. 32, оп. 11, № 25, л. 18).

Коллежский канцелярист Петр Алексеев сын Козырев бил челом на московского купца Матвея Трифонова сына Трифонова в том, что тот его «обещестилъ напрасно», и просил «оного купца Матвѣя Трифанова сыскавъ противъ сего . . . челобитья произвести суд по форме» (1770, ф. 32, оп. 17, т. 2, № 8521, л. 1).

Позволим себе привести еще с незначительными сокращениями сказку, которую писал подпоручик Петр Алексеев:

Находящійся въ московской садовой командѣ | подпорѣтчикъ Петръ Алексѣевъ сынъ | Алексѣевъ въ сей сказкѣ безъ всякаго | на какую-нибудь сторону наклоненія | показалъ всьо то самое, что, когда и | какъ происходило.

Сего 1787 года октября 18 дня въ церкви | святыхъ апостолъ Петра и Павла, | что въ Лафертовѣ, пополудни въ часу | 9 м и 10 м во время собранія для смотренія | венчанія двухъ свадебъ, на которой | случай обыкновенно всякаго званія люди | собираются, между коими были называющеися якобы отставнаго отъ арміи гдна порутчика Михаила | Александрова сына Суворова жены | ево Анны Ивановой дочь и племянница | съ человекомъ своимъ

дураком наряженным | въ шутошное платьѣ и въ кавалеріи, | и стали на левом крылосѣ, а дурака поста | вили у крылоса, котораго тотъ часъ | вся толпа людей облелела. Сюда | такъже пришла хмелная для смотренія, | и находящаяся у меня по найму изъ дворянъ | по фамиліи Кошчевыхъ, а по несчастію | мужа ее салдатка Афимья Федорова дочь, | которая смѣясь надъ помянутымъ дуракомъ, | как и протчіе люди шутили, говорила | точныя слова: Это немецкой дворецкой, | а платьѣ и прочее сшито никакъ изъ барыниной | юпки, вышепомянутые дѣвицы дочь | и племянница принявъ на свой щотъ | ничево не сказавъ пошли по окончаніи первой свадбы изъ церкви, и пришли домой, надобно думать, разжаловались означенной | госпожѣ порутчицѣ, будто бы она | салдатка ихъ бранила. Госпожа порутчица | принявъ за истинну ихъ слова прибѣ | жала въ церковь съ своею дочерью и съ | людьми, и нашедъ ее салдатку по указанію | своей дочери въ лѣтней церкви стоящую, | стала выговаривать такими словами: Какъ! Ты шелма, бестія, каналія. . . и протчими, какіе толко могла | она тогда выдумать, словами ругая, осме | лилась бранить меня? Вышепомяну | тая салдатка на сіе ей отвѣчала, что ты | сама такая же; а я ничемъ не хуже | тебя, и показала ей кукишъ. Послѣ | сего пришла ко мнѣ госпожа порѣтчица | и стала жаловатся, ругая ее всѣми жъ тѣми вышеупомянутыми | бранными и поносными словами. Но какъ | она такова вторичнова поношенія | болше вытерпѣть не могла, сказала, что сама ты . . . и садовникова жена | и пошла изъ церкви, и какъ скоро вышла, | то велела госпожа порѣтчица челоуѣку | своему поймать ее, и закричать | карауль, которой будучи въ должности | своей исправнымъ то и исполнилъ. А | что она Афимья Федорова дочь подлинно дворянка; | то по знанію ее роднаго брата и протчих | родственниковъ въ томъ свидѣтел | ствую и свидѣтельство сіе вынесено | или вытребовано быть можетъ | отъ государственной военной коллегіи | канторы» (ф. 81, оп. 4, № 217, л. 10—11).

Сравнение текстовъ различного характера, писанныхъ какъ однимъ писцомъ, такъ и разными лицами, выявляетъ значительныя колебанія въ письменной передаче словъ. И хотя периодъ, къ которому относятся аннотируемые материалы, знаменуется уже достаточно определенными орфографическими нормами, чему не могли не способствовать грамматики, в первую очередь ломоносовская, темъ не менее

число отступлений от нормы, вариантных написаний довольно существенно. Их количество и характер, по всей вероятности, находятся в прямой связи со степенью орфографической выучки пишущих. Анализ последовательно проведенных и вариантных написаний служит основанием для фонетической интерпретации данных письменности.

Нет необходимости подробно останавливаться на случаях отражения в письме аканья — они многочисленны. Знаменательно, что эти отражения находим по большей части в словах вполне обычных для пишущих, так сказать вседневных. Опора на произношение при написании этих слов является особенно доказательной. Примеры: малошникъ (ф. 32, оп. 24, № 2, л. 22 об.), две салонки (там же), две каровы (там же, л. 25 об.), калодесь (1794, ф. 32, оп. 24, № 87, л. 11 об.).

Хотя аканье, по мнению исследователей, — характерная черта московского говора XVII—XVIII вв., вопрос о широте распространения и характере данного явления остается еще невыясненным. Привлечение новых материалов могло бы способствовать его выяснению.

В этом плане особый интерес представляют написания вроде крамысло (1796, ф. 32, оп. 8, № 62, л. 15), два пла-тенца (1799, ф. 46, оп. 7, № 6722, л. 128), свидетельствующие о сильной редукции гласных во втором предупредном слове.

В ряде написаний можно усматривать следы изменения гласных неверхнего подъема после мягких согласных и совпадение их не только в *e*, но и в *и*. Последнее весьма существенно, так как может внести некоторые уточнения в вопрос о хронологии иканья в московском говоре.

Написания *e* на месте *я* многочисленны. Вот некоторые из них: дъечка (1783, ф. 105, оп. 9, № 124, л. 1), мещенинь (1796, ф. 32, оп. 11, № 25, л. 34 об.), голова. . . тресется (там же, л. 48), печь с очегом (1785, ф. 32, оп. 24, № 35, л. 16 об.), двое. . . часовъ (1799, ф. 46, оп. 7, № 6722, л. 5 об.).

Наряду с этим находим значительное число написаний, свидетельствующих об иканье: пирина (1785, ф. 32, оп. 24, № 35, л. 5), аситрины (1796, ф. 32, оп. 8, № 62, л. 15), мишенину (1799, ф. 46, оп. 7, № 6722, л. 5 об.), чимоданъ (1798, ф. 46, оп. 7, № 6289, л. 2), полатка съ пиреборкою (1788, ф. 32, оп. 24, № 48, л. 2 об.) и т. д. Но наиболее ярко эта черта вокализма проявилась в заударной позиции:

четверть (1783, ф. 32, оп. 24, № 9, л. 8), мачиха (1787, ф. 32, оп. 24, № 2, л. 3); ситичко (1784, ф. 32, оп. 24, № 20, л. 10), окошникъ (1785, ф. 32, оп. 24, № 35, л. 16 об.), блюдичко (1787, ф. 32, оп. 24, № 2, л. 3), две кружички (там же), десять дощечикъ (1787, ф. 32, оп. 24, № 75, л. 113) и т. д.

Возможно, для московского говора были в какой-то степени характерны отражения редукции, представленные в следующих написаниях: каретных сараявъ (1785, ф. 32, оп. 24, № 35, л. 17), три протявня (1787, ф. 32, оп. 24, № 2, л. 22 об.), сарай с конюшняй (там же, л. 25 об.). Подобные случаи указывают на возможность заударного яканья в старом московском говоре.

Написания *к* и *х* на месте конечного *г* указывают на возможность в московском говоре не только взрывного, но и фрикативного *г*: вокрухъ двора (1783, ф. 105, оп. 9, № 228, л. 1), кникъ (1784, ф. 32, оп. 24, № 20, л. 21), денекъ дватцетъ четыре рубли (там же), торхъ (1796, ф. 32, оп. 8, № 62, л. 6).

Звук *р* перед заднеязычными и губными в сочетаниях, входящих к старому сочетанию *trrt*, по-видимому, произносился мягко: церькви (1783, ф. 105, оп. 9, № 124, л. 1), поверьхъ (там же, л. 2), сверьхъ (там же, л. 3), перьваго (1798, ф. 46, оп. 7, № 6673, л. 48).

Исключительно широкое отражение получила в текстах замена *чи* посредством *шн*.

Обширен материал по именному склонению. Отметим варианты формы творительного множественного имен существительных мужского рода (товарищи — товарищами), именительный падеж множественного на *-а* в той же группе имен: конюха усмотрели оную лошадь (1797, ф. 105, оп. 11, № 38, л. 5). Ср. соответственно в винительном множественного: ручей впадающей в преснинския пруда (1790, ф. 81, оп. 4, № 457).

В кругу имен мужского рода широко представлена категория вещественности. Многочисленны примеры родительного на *-у* от этих имен существительных. Так, в описи товара: розмарину, персику, перцу, аленьева рогу, мелкого синяго камню, чаю (1783, ф. 32, оп. 24, № 9, л. 9—11).

Имеются интересные данные, по которым можно судить о соотношении образований с отвлеченным значением на *-ние*, *-тие* и *-ка*. Приведем примеры из одного текста: выделка, засышка, выемка, скатка; дубленье, топление, смазывание, вынутие, выделение, выдубление, строгонье

(1798, ф. 32, оп. 24, № 125, л. 75). Как видим, образования на *-ние* или *-тие* идут в одном ряду с образованиями на *-ка*, обыкновенными в народной речи.

С точки зрения изучения лексического состава наиболее любопытны описи. В сравнении с другими текстами их отличает большая свобода от норм делового языка.

Отметим синонимию слов *длина* и *длинник*, *ширина* и *поперешник*; употребление их связано с непременным указанием при описи двора его размеров.

Встречаем названия разных видов жилых и хозяйственных построек, отдельных помещений, различных бытовых реалий, одежды, тканей и т. д.

Наряду с субстантивированными прилагательными для обозначения помещений употреблялись и словосочетания: в правой руке передняя комната с перегородкой бревенчата. . . в передней два окна с рамами дубовыми (1798, ф. 32, оп. 24, № 125, л. 73); мастерская изба. . . кожевенная изба (там же, л. 73 об.) и др.

Из названий строительных материалов: тесу куплено 760 тесницъ (1794, ф. 32, оп. 24, № 87, л. 10); *отдано* извощикам за грабыли и за бревна (там же); куплено. . . бревно 15 *ти* аршинных х колотцу на журавцы (там же, л. 12); куплено на венешникъ к . . . баням куриць 4 курицы (там же, л. 15); куплено тесу и драни (там же, л. 19); куплено болясов (там же, л. 20) и под.

Многообразны названия тканей (миткаль, стамед, плис, тафта, камлот, гарнитур, щедрин, штоф, парча, затрапез, холстина, тканье, крашенина) и их цветов: шуба на волчьем меху крыта камлотом малдареваго цвету (1787, ф. 32, оп. 24, № 2, л. 24 об.); тулупъ калмытцкой крыт камкой (там же); шинель суконная каришнего цвету (там же); два кавтана суконныя дикава цвету (там же); камзолъ с рукавами верблюжьего цвету суконной (там же).

Многие названия бытовых реалий вместе с некоторыми, приведенными выше, воспринимаются как приметы прошлого: подголовокъ простой сосновой (1784, ф. 32, оп. 24, № 2, л. 10); озям китаичетой ветхой (1783, ф. 32, оп. 24, № 7, л. 140 об.); киса коженая (там же).

Обращает на себя внимание лексика, связанная с определенным кругом профессий, ремесел и производств. Так, в описи золотообрабатывающей фабрики называются следующие виды золота: золота на катушкахъ цветнаго шестернаго . . . цветнаго осмернаго. . . ардинарнаго. . . три-

бликату осмернаго; там же перечисляется инструмент: двенадцать площилницъ. . . одна плащилня об одном нижнемъ немецкомъ колесе. . . вьюшашных валовъ болшихъ и малыхъ толстыхъ целныхъ и ломаныхъ пешнатцать. . . клещиковъ малыхъ и болшихъ железныхъ девяноста. . . пружинъ плашилныхъ железныхъ восемь паръ. . . шесть терпуговъ. . . трое тисковъ стулавыхъ болшихъ. . . кателокъ медной ниготь чугуная с пестикомъ. . . троя емковъ воротовыхъ. . . круговъ волочалныхъ семдесятъ семь в том числе и худыя (1787, ф. 32, оп. 24, № 75, л. 112 об., 113—114).

В расписке содержателя московского театра Михаила Медокса находим такое перечисление «разнаго звания гвоздеи»: аборные, брусковые, двоетесные, аднотесные, сталярные, щикатурные, скаловые, троетес (1784, ф. 32, оп. 24, № 16, л. 1—3).

Мы не ставили своей задачей дать обстоятельную характеристику указанных текстов. Мы только хотим привлечь внимание к обширному кругу рукописных материалов, в которых много ценных сведений по истории русского языка и особенно московского говора.